

Е.М. Мишина*

E.M. Mishina *

Опыт применения статистических методов и ГИС-технологий в исследовании политических репрессий**Application of statistical methods and GIS technologies in the study of political repression**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-10

УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

Мишина Е.М. Опыт применения статистических методов и ГИС-технологий в исследовании политических репрессий // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 10. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-10.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-10

How to cite:

Mishina E.M. Application of statistical methods and GIS technologies in the study of political repression // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 10. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-10.pdf>

Abstract: Annotation: The article deals with studies which used database technologies and statistical methods in order to study the social portrait of terror victims in different regions. The author gives a brief overview of such works and notes that, in contrast to collectivization and mass operations of 1937–1938, for the period from the murder of S.M. Kirov until the start of the Great Terror almost no research has been done at the regional level. The second part of the article shows the results of the study of the social portrait of terror victims in Altai Region on the eve of the Great Terror. Analysis reveals common and various features in social characteristics of terror victims in other Siberian regions. During the period under review, there was no mass repression, while people were arrested for their "individual" guilts or "spots" in the biography. The analysis showed that the majority of the victims were men aged between 31 and 50 years, semi-literate, low-level employees, collective farmers or workers, people from poor peasants who were not members of political parties. Most of the terror victims were Russians, but more severe sentences were imposed on members of other nationalities. Altai Region stood out because of its agrarian specialization: there the number of collective farmers and individual farmers who were terror victims during the period under review was twice as high as elsewhere in the USSR. With the help of statistical methods – regression and cluster analysis, as well as GIS technologies, the hypothesis about the impact of socio-economic development of regional areas on the level of repression in them is verified and confirmed - the higher the welfare of the population, the higher the level of repression was. The analysis showed that the thesis of the Bolsheviks explaining the economic failures by the actions of "pests" was not confirmed by the practice.

Keywords: social portrait of terror victims; Altai Region; database; regression analysis; GIS.

The article has been received by the editor on 30.11.2018.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: В статье рассматриваются исследования с применением технологии баз данных и статистических методов для изучения социального портрета репрессированных в разных регионах. В первой части статьи автор приводит краткий обзор подобных работ и

---

* **Мишина Екатерина Максимовна**, канд. ист. наук, специалист по учебно-методической работе кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР (Москва, Россия), e-mail: zyu@inbox.ru

Mishina Ekaterina Maksimovna, PhD in History, specialist in educational and methodical work Department of historical information science, Lomonosov Moscow State University, director of "Open list" project (Moscow, Russia), e-mail zyu@inbox.ru

отмечает, что, в отличие от коллективизации и массовых операций 1937–1938 гг., период с убийства С.М. Кирова до начала Большого террора практически не освещен в литературе на региональном уровне. Во второй части статьи представлены результаты исследования социального портрета репрессированных на Алтае накануне Большого террора, выявлены общие и различные черты в социальных характеристиках репрессированных в других сибирских регионах. В указанный период репрессии не носили массово-социального характера, причиной ареста становилась «индивидуальная» вина или «пятна» в биографии. Анализ показал, что основную массу репрессированных составили мужчины в возрасте от 31 до 50 лет, малограмотные, служащие низшего звена, колхозники или рабочие, выходцы из крестьян-бедняков, не состоявшие в политических партиях. Большая часть репрессированных – русские, однако представителям других национальностей выносились более суровые приговоры. Алтай выделялся своей аграрной специализацией: количество репрессированных здесь колхозников и единоличников в рассматриваемый период в два раза превышало этот показатель по всему СССР. При помощи статистических методов – регрессионного и кластерного анализа, а также ГИС-технологий, проверяется и подтверждается гипотеза о влиянии социально-экономического развития районов края на уровне репрессий в них – чем выше было благосостояние населения района, тем выше в нем был и уровень репрессий. Анализ показал, что тезис большевиков, объяснявших экономические неудачи действиями «вредителей», на практике не «работал».

Ключевые слова: социальный портрет репрессированных; Алтай; базы данных; регрессионный анализ; ГИС-карты.

Одной из важных тем в изучении истории советского политического террора является вопрос о том, кто именно и по каким причинам становился жертвой репрессий. Всесторонний ответ на него способствует более глубокому рассмотрению механизмов массовых операций и пониманию того, как происходили репрессии на низовом уровне. Наиболее эффективным методом раскрытия темы жертв репрессий является реконструкция их социального портрета. Для такой цели необходим большой массив биографической информации, первичным источником которой являются следственные дела репрессированных, а вторичным – Книги памяти жертв политических репрессий, составленные на основе следственных дел в разных регионах России.

Первым этапом исследования социального портрета репрессированных нередко становится создание базы данных по биографическому массиву данных. Работы по созданию таких баз начались во многих регионах России в первой половине 1990-х гг. после того, как в архивах стали доступными для исследования следственные дела репрессированных. В исследованиях политических репрессий в регионах применялись базы данных, созданные в Томске¹, Нижнем Тагиле², Барнауле³, Смоленске⁴ и т. д. благодаря кооперации сотрудников ведомственных и государственных архивов и историков. Многие исследователи составляют и собственные базы данных, основанные на выборках из архивных документов.

---

¹ См. прим.: Рожнева Ж.А. Политические репрессии в Александровском районе // Земля александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 340–353.

² Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917–1980-е гг. Нижний Тагил, 1997. С. 15–22.

³ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование: монография. Барнаул: АЗБУКА, 2015.

⁴ Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 41–52.

Базы данных и статистические методы применяются в изучении различных волн советского террора. Так, анализ экономических и демографических аспектов социального портрета «раскулаченных» крестьян Южного Урала в 1930–1934 гг. проведен в монографии А.А. Ракова⁵. В качестве инструмента реконструкции социального облика «раскулаченных» автор использует базу данных, созданную на основе материалов шести местных архивов Челябинской области (списки кулацких семейств, подлежащих выселению, списки лиц, лишенных избирательных прав, анкеты спецпереселенцев).

Репрессии 1940-х гг. на основе анализа социального портрета немцев-трудармейцев, реконструированного с применением технологии баз данных, освещает в кандидатской диссертации С.Л. Разинков⁶. В дальнейшем при участии автора была создана также Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага, Тагиллага и Усольлага. Источниками исследования С.Л. Разинкова являются 14 фондов семи государственных, бывших партийных, ведомственных архивов, текущих архивов предприятий, комплексы массовых документов персонального учета, делопроизводственная документация, постановления, директивы руководства ГУЛАГа, а также личные документы – письма и воспоминания бывших трудармейцев. Автору удалось доказать, что оценки исследователей по численности немцев-трудармейцев в Тагиллаге были неверны: вместо 15 тыс. человек С.Л. Разинков говорит о примерно 6 700 трудармейцах. Не все заключенные занимались черной работой, как считалось ранее, часть из них была назначена на руководящие административно-хозяйственные и инженерно-технические должности, так как имела высокий уровень образования. Однако немцев-трудармейцев содержали на уровне заключенных лагерей, что негативно сказывалось на эффективности их работы⁷.

В подавляющем большинстве случаев реконструкция социального портрета репрессированных производится исследователями на материалах какого-либо конкретного региона, так как практически каждый имел свою специфику (преимущественно аграрный, с преобладанием промышленного производства, место ссылки «антисоветских» элементов и т. д.), от которой зависели социальные характеристики репрессированных. Так, Н.В. Звенияцкая в своей работе рассмотрела социальный портрет «врага народа» на основе комплекса личных дел осужденных за контрреволюционные преступления по Нижнетагильскому округу (три тысячи единиц хранения)⁸. Из него была сделана выборка более 25 %, в которую вошли 758 дел⁹. Н.В. Звенияцкая определила, что в основном репрессированные были мужчинами (86,5 %) в возрасте 22–27 лет, русскими по национальности (54,5 %). Большинство из них имело начальное образование или было малограмотными, несущественно отличалась доля людей с высшим образованием и неграмотных (7 % и 6,8 % соответственно). 46 % рассмотренных персоналий было репрессировано в 1937 г., приговоры к расстрелу и срокам в 5–10 лет распределились практически равномерно. Автор делает вывод о том, что существовала неразрывная связь идеологических постулатов законодательных актов и практики репрессий, однако данный вывод не подтверждается анализом каких-либо законов, директив, секретных указаний, что является минусом, однако не умаляет значимости проведенного анализа.

Социальные характеристики репрессированных за весь сталинский период в Смоленской области анализирует Е.В. Козин. Источником для создания базы данных выступила архивно-

---

⁵ Раков А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930–1934 гг.). М., МАКС Пресс, 2012.

⁶ Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

⁷ Там же. С. 19–21.

⁸ Звенияцкая Н.В. Социальный портрет «врага народа» в 1920–1930-е гг. (по материалам Нижнетагильского округа) // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил, 12–13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 98–104.

⁹ Там же. С. 100–102.

следственная документация, хранящаяся в архиве Смоленского областного управления ФСБ. В 2011 г. база данных насчитывала 32 111 персоналий, репрессированных в Смоленске и области в период с 1917 по 1953 г., карточки на которых содержат 16 поисковых полей. Автор отмечает, что «смоленские материалы не дают оснований к утверждению о том, что вся история советской России вплоть до смерти Сталина – это период перманентного государственного террора по отношению к собственному народу». В доказательство этого тезиса автор указывает, что в годы Большого террора было расстреляно 6 990 чел., или 92,8 % от всех расстрельных приговоров за рассматриваемый период, то есть наиболее жесткий период пришелся на 1937–1938 годы¹⁰.

На сегодняшний день наиболее полный анализ социальных характеристик репрессированных в годы Большого террора в разных регионах на основе применения статистических методов представлен в статьях и кандидатской диссертации Л.А. Лягушкиной¹¹. Источниками ее работы выступили Книги памяти по Нижегородской (Горьковской) области, Башкирии, Карелии, Северо-Осетинской АССР и Алтайского края, сведения которых собраны в единой базе данных Международного «Мемориала» «Жертвы политического террора в СССР». Автором было установлено, что в основном жертвами репрессий становились мужчины среднего возраста (от 30 до 59 лет), хотя в Карелии из-за размаха национальной операции высока была доля молодежи. Молодежь реже приговаривали к расстрелу, а пожилых людей – существенно чаще, что объясняется их вероятным «неблагонадежным» прошлым, а также нерентабельностью содержания нетрудоспособных лиц в системе ГУЛАГа. Массовые операции имели явно выраженный национальный уклон. Русским приговоры к расстрелу выносились значительно реже, чем представителям «инонациональностей», несмотря на то, что в абсолютном выражении русских в населении было больше. Основной удар пришелся по трем социальным группам – колхозники, рабочие и служащие. Выше, чем доля этих групп в населении региона, было репрессировано только «лиц без определенных занятий» и церковнослужителей¹².

Интересный пример анализа «Книг памяти» и реконструкции по их сведениям социального портрета представлен в зарубежной историографии. Статья М. Илич¹³ посвящена анализу Большого террора в Ленинграде и области на материалах двух первых томов «Ленинградского мартиролога» (август – октябрь 1937 г.), которые содержат записи о более чем 8 000 жертв Большого террора. По результатам выборки записей с каждой десятой страницы была составлена база данных, содержащая 673 записи, а также вторая база данных, в которую вошла информация по всем репрессированным женщинам из обоих томов мартиролога (297 записей)¹⁴. М. Илич установила, что основной удар пришелся на служащих, единоличников и другие социальные группы (военные, служители культа, пенсионеры, студенты). Между арестом и судом преимущественно проходило от 10 до 19 дней, основная статья обвинения – 58-10 УК РСФСР. В базах данных имеются неоднократные свидетельства того, что близкие родственники попадали под репрессии после ареста главы семьи¹⁵.

Террор становился «большим» постепенно, и к трагедии лета 1937 г. привела цепь событий, начавшаяся 1 декабря 1934 г. с убийства первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова. В историографии этот период репрессий до Большого террора редко выделяют в самостоятельный. Основное внимание уделяется борьбе с «оппозицией»,

¹⁰ Козин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий... С. 41–42.

¹¹ Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти»: дисс. ... канд. ист. наук: . 07.00.09. М.: 2016.

¹² Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных... С. 295–297.

¹³ Илич М. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. P. 1515–1534.

¹⁴ Ibid. P. 1518.

¹⁵ Ibid. P. 1518–1521, 1523, 1526, 1529

рассматриваются показательные «московские процессы». При этом не ставится вопрос о том, как эти процессы, а также директивы и постановления, исходящие из центра, влияли на проведение репрессивных акций в регионах, кто становился их жертвами. Такое исследование было проведено автором данной статьи на материалах по Алтайскому краю, территории которого в 1935 – первой половине 1937 гг. вместе с Ойротской автономной областью входили в состав Западно-Сибирского края. Источниками работы стали база данных Международного «Мемориала» (2 167 репрессированных за рассматриваемый период) и выборка из соответствующих архивно-следственных дел, хранящихся в отделе спецдокументации Государственного архива Алтайского края (на 333 персоналии). Статистические методы применялись в исследовании для определения степени влияния экономических показателей развития районов на уровень репрессий в них. Работа проводилась на основании статистических сборников основных экономических показателей за 1935 г.¹⁶ и материалов переписей населения 1937¹⁷ и 1939 годов¹⁸.

Анализ динамики арестов и приговоров показал наличие пиковых моментов в репрессиях, связанных с событиями как местного, так и союзного масштаба. Так, до апреля 1937 г. количество арестованных на Алтае редко доходило до 60–70 чел. в месяц, а в Ойротской АО – до 30 чел. После февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) курс на ужесточение репрессивной политики отразился на динамике арестов весенних месяцев и июня 1937 г. Если в 1935 г. еще возможно было проведение районных репрессивных акций, которые контролировались обкомом и крайкомом партии, но не влияли в значительной степени на репрессии в соседних районах, то с середины 1936 г. репрессивные акции становятся абсолютно идентичными в двух рассматриваемых регионах.

К середине 1937 г. значительно сократилось количество прекращенных за недоказанностью обвинения дел (с 30,8 % от всех осуждений в 1935 г. до 14,5 % в первой половине 1937 г.), впервые за описываемый период в большом количестве появились приговоры к высшей мере наказания. Хотя время проведения следствия с начала 1937 г. стало постепенно сокращаться, в среднем за рассматриваемый период подследственный ожидал приговора более 6,5 месяцев. Террор постепенно набирал обороты, но до начала 1937 г. это выражалось не в количестве арестованных (до 1939 г. меньше всего арестов было произведено в 1936 г. – 131 168, однако количество осуждений выросло с 78 999 в 1934 г. до 274 670 в 1936 г.¹⁹), а в постепенном расширении понимания термина «враг народа». В него последовательно включались «зиновьевцы», «бывшие», «троцкисты», «вредители», «шпионы», что влияло на профессиональный и социальный состав арестованных. Изменялся и состав предъявляемых обвинений. В 1935 – начале 1936 г. наиболее частым обвинением была «антисоветская агитация» (ст. 58 УК РСФСР, п. 10), значительная часть обвинений была предъявлена в индивидуальном порядке. По мере приближения к Большому террору росла роль обвинений в «создании контрреволюционных групп» (58-10, п. 11), которые сопровождалась обвинениями в «организации вооруженного восстания» (58-10, п. 2), «вредительстве» (58-10, п. 7) и «терроризме» (58-10, п. 8). Если в 1935 г. 80 % всех выдвинутых обвинений содержали в себе только один пункт статьи 58, то в 1937 г. этот процент сократился до 27 %, в обвинении всё чаще встречались от трех и более пунктов статьи 58. Значительная часть дел была завершена после 30 июля 1937 г. уже в ходе Большого террора. К этому времени доля приговоров, вынесенных судебными инстанциями, которые были основными органами осуждения в рассматриваемый период, существенно

¹⁶ Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г.; Народное хозяйство Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936.

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.

¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992.

¹⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. / Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 608–609.

сократилась. В 1935 – начале 1937 г. также невелика была роль внесудебного Особого совещания при НКВД СССР.

Анализ социального портрета репрессированных на Алтае показал, что в основной массе репрессии были направлены против мужчин в возрасте от 21 года до 50 лет. В двух возрастных группах (от 31 года до 40 лет, от 41 года до 50 лет) приговоры распределялись практически равномерно. Наиболее жесткие репрессии применялись к людям старше 60 лет. Анализ БД «Мемориала» показал, что в эту возрастную группу входили те, кого большевики считали «неблагонадежными элементами» (единоличники – хотя по факту они были простыми крестьянами, граждане без определенных занятий, служители культа, однако большую часть составили рабочие и служащие). На Алтае отношение к пожилым было более жестким, чем в Ойротии: пожилых людей, малопригодных к физическому труду в лагерях, предпочитали расстреливать или отправлять в лагеря на относительно небольшие сроки. В Ойротской АО, несмотря на возраст, пожилых чаще приговаривали к длительным срокам заключения. В годы Большого террора наиболее многочисленная группа репрессированных по возрасту – от 31 года до 40 лет, следующая – от 41 года до 50 лет, в ней чуть выше, чем в первой, процент расстрельных приговоров²⁰. При рассмотрении распределения приговоров в зависимости от возрастных групп осужденных по приказу НКВД № 00447 явно выделяется зависимость – с увеличением возрастной категории увеличивалось количество смертных приговоров²¹. В Кемеровской области (рассматривались данные за 1930–1950-е гг.) репрессированные в возрасте от 31 года до 40 лет также составили большинство²². Эти данные расходятся со статистикой по Томской области, приведенной В.Н. Уймановым: по его данным, в области репрессированные в возрасте от 41 года до 50 лет составили 27,8 %, а в возрасте от 31 года до 40 лет – 22,6 %²³ от общего числа репрессированных. Схожие данные есть и по Красноярскому краю: там в двух указанных возрастных группах было репрессировано 27,4 % и 25,3 % соответственно²⁴. Для Ойротии рассматриваемый нами период можно считать специфическим, поскольку за все сталинские годы в возрастной группе от 31 года до 40 лет там было репрессировано больше людей, чем в более старшей группе (25,8 % и 21,8 % соответственно).

И на Алтае, и в Ойротии наиболее жесткий террор был направлен против представителей «инонациональностей» и национальных меньшинств – немцев, поляков и др. На Алтае их чаще, чем русских, приговаривали к самому тяжелому сроку заключения – 10 лет ИТЛ – и к расстрелу. В Ойротской АО к национальным меньшинствам относилось и русское население. Его приговаривали к расстрелу чаще, чем коренное население – алтайцев, но реже, чем представителей других национальностей.

В количественном отношении русское население пострадало от репрессий больше других. При этом в группе малочисленных национальностей (корейцы, казахи, грузины, мордва и т. д.) 33 % на Алтае и 49 % в Ойротии были приговорены к расстрелу. Доля малочисленных национальностей – «прочих» (без казахов, украинцев и мордвы) по переписи 1939 г. на Алтае составляла 1,3 %, среди репрессированных они составили 10,4 %. В Ойротии эти проценты составляют 2,7 %²⁵ (без казахов) и 6,6 % соответственно. Г.Д. Жданова в своей работе отмечает, что до Большого террора «национальный» аспект в репрессиях не влиял на вынесение приговора²⁶. В.Н. Уйманов также пишет, что до начала Большого террора

²⁰ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае... С. 122.

²¹ Там же. С. 167.

²² Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Т. 2. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. С. 11.

²³ Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск: Изд-во Томского университета, 1995. С. 49.

²⁴ Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. С. 58.

²⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. 1992. С. 59.

²⁶ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае... С. 123.

национальная принадлежность репрессированных практически не учитывалась²⁷. С.А. Папков указывает, что в начале 1930-х гг. национальные аспекты, в отличие от социально-политических, не играли самостоятельной роли при проведении операций в национальных районах (кроме столкновения власти с советскими немцами)²⁸. Проведенный нами анализ и значительная доля представителей «инонациональностей» и национальных меньшинств, приговоренных к расстрелу (при количественном доминировании в структуре населения русских, так как вся Западная Сибирь была преимущественно русская), указывает на то, что в рассматриваемый период национальность еще не являлась одной из главных причина ареста (как, например, в рамках «национальных» операций), но в значительной степени влияла на выносимый приговор. Выявленная зависимость количества приговоров от степени их жесткости у немцев показывает, что террор среди них проводился как четко спланированная акция, в которой национальный аспект был определяющим.

Репрессивные меры государства ударили по наиболее многочисленным социальным группам – рабочие промышленности, лица, занятые в сельском хозяйстве и служащие (в основном низового уровня). Суммарный процент репрессированных рабочих и колхозников от всех репрессированных составляет 46,4 % на Алтае и 47,6 % в Ойротии. Вместе с мелкими служащими – рядовыми работниками советских учреждений – они составили 67 % от всех репрессированных в рассматриваемый период на Алтае и 69 % – в Ойротской АО (в оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.). Доля партийно-хозяйственных руководителей районного и областного уровня составила 3,8 % от всех репрессированных в рассматриваемый период. Процент репрессированных представителей «чуждых советскому обществу» групп населения относительно невелик: деклассированные элементы и служители культа составили 6,8 % и 0,7 % в двух регионах соответственно. Вместе с единоличниками, с которыми советский строй боролся со времен коллективизации, эти проценты составили 16,3 % и 17 % (в рамках проведения операции по приказу № 00447 на Алтае доля этих трех групп среди репрессированных составила 14 %²⁹).

Что же касается служащих, то их было репрессировано непропорционально много относительно их доли в населении регионов по переписи 1939 г. Их чаще, чем представителей других социальных слоев, приговаривали к расстрелу. Это соответствовало общесоюзным установкам на репрессии в промышленной сфере, на железнодорожном транспорте, на предприятиях, которые активно начались со второй половины 1936 г. в рамках кампании «борьбы с вредительством». На Алтае от репрессий в значительной степени пострадал технический персонал. В эту группу вошли занятия, характеризующие практически все отрасли народного хозяйства, и репрессиями были задеты те, кто отвечал за нормальное функционирование этих отраслей – агрономы, инженеры, техники. В то же время было прекращено значительное количество дел на занятых в сельском хозяйстве; они часто получали менее жесткие приговоры от одного года до трех лет, несмотря на то, что в абсолютном выражении этот социальный слой пострадал от репрессий в наибольшей степени. В двух изучаемых регионах наблюдался разный подход к репрессиям среди единоличников. К началу Большого террора на Алтае их аресты практически прекращаются, так как к этому времени в населении региона их остается не более 1,5 %, в то время как в Ойротской АО аресты происходили равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода, что являлось отражением борьбы за укрепление колхозного строя, в середине 1930-х гг. ещё твёрдо не установленного в районах Ойротской АО.

На протяжении рассматриваемого периода динамика репрессий по трем социальным группам на Алтае и в Ойротии в основном совпадает. Наибольшие различия видны в

²⁷ Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105.

²⁸ Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., РОССПЭН, 2010. С. 149.

²⁹ Подсчитано по: Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае... С. 165.

динамике арестов среди работников сельского хозяйства в 1935 г. Вероятно, что в это время Западно-Сибирский крайком ВКП(б), который координировал ход репрессивных кампаний в регионе, больше внимания уделял исполнению союзных инструкций, связанных с раскрытием «врагов» после чистки партаппарата. В это время происходил сбор компрометирующих сведений на будущих жертв террора. Небольшие районные акции проводились под контролем региональной власти, но не были связаны между собой едиными директивами. Организованные тенденции начинают проявляться с 1936 г., когда центральная власть в своих директивах начинает постепенно очерчивать круг потенциальных «врагов народа»: троцкистов, вредителей и шпионов. Социальный состав репрессированных в это время определялся экономической структурой региона: например, в Ойротии в июне 1937 г. среди арестованных преобладали работники сельского хозяйства, далее шли служащие и затем рабочие. На Алтае наблюдается некоторый перекосяк: арестовано больше служащих, далее идут рабочие и работники сельского хозяйства (хотя по переписи они составляли большую долю среди населения, чем рабочие промышленности, количество их арестов накануне Большого террора существенно сокращается по сравнению с предыдущими месяцами). В годы Большого террора ситуация немного меняется: доля рабочих от общего количества репрессированных осталась неизменной (21,8 %), работников сельского хозяйства – возросла (46,3 % в сумме колхозники и единоличники против 33,9 % в рассматриваемый период), а служащих – уменьшилась (22,4 % и 29,9 % соответственно)³⁰.

Среди арестованных по СССР в целом в 1935–1936 гг. служащих было 30%, на Алтае этот показатель составил 21,1 %; рабочих – 16,9 % и 21,2 % соответственно. Более значительная разница выявлена среди арестованных работников сельского хозяйства: в указанный период в СССР из всех арестованных колхозники составили 9,1 % и единоличники – 8,2 %. На Алтае эти проценты существенно больше – 28,3 % и 14,3 %³¹ соответственно. Это объясняется преимущественно аграрным характером специализации районов Алтая. Следовательно, можно говорить об определенной специфике Алтая, которая, впрочем, свойственна и другим регионам СССР, если рассматривать их в отдельности.

Изучение архивных документов способствовало проведению более глубокого микроанализа и получению результатов с использованием созданной в ходе данного исследования архивной базы данных. Она показала, что большинство репрессированных, попавших в выборку из следственных дел по Алтаю, имело образование ниже среднего или было малограмотным. Сравнение полученных результатов с данными по Ойротской АО показало, что в ней уровень грамотности репрессированных был немного выше, а в старших возрастных группах жертвами репрессий чаще становились люди, имеющие образование.

В количественном отношении значительно больше от репрессий пострадали вполне «советские» группы населения – выходцы из крестьян-бедняков и середняков. Приговоры им были менее жесткими, чем выходцам «из кулаков» и зажиточных крестьян как «чуждых» советскому строю слоев населения. Анализ архивных документов показывает, что социальное происхождение могло быть основной причиной для проведения репрессии (когда социальная группа обвинялась именно по этому признаку), либо оно влияло на приговор только определенных фигурантов. В этом случае к социальному происхождению нередко добавлялись «пятна» в биографии, например, принадлежность к «бывшим» или служба в рядах белой армии. В рассматриваемый период принадлежность к рядам белой армии могла сама по себе стать решающим фактором для ареста. Она также являлась объектом подлога сведений в следственном деле: скромное служебное положение в рядах белой армии нередко заменяли на более высокое для получения «нужной» картины следствия. Отметим, что в указанный период репрессии не носили массово-социального характера: причиной ареста

³⁰ Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных... С. 257.

³¹ Подсчитано по данным: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Монография. М.: Кучково поле, 2006. С. 329, 333; БД «Мемориала» (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007).

чаще становилась индивидуальная «вина» человека – неосторожное высказывание, рассказанный анекдот, «пятна» в биографии.

В рассматриваемый период члены ВКП(б) составили 10 % от всех арестованных. Этот процент немного выше, чем в предыдущий и в последующий период. В годы коллективизации среди репрессированных члены ВКП(б) составили 4,3 процента³². В ходе массовой операции НКВД по приказу № 00447 этот показатель составил три процента³³. Вероятно, в рассматриваемый период на увеличение доли репрессированных партийцев повлияла проводившаяся в 1935 г. «чистка» партии, поскольку часть исключенных в дальнейшем была арестована. Однако даже такая доля не позволяет согласиться с выводом, иногда встречающимся в историографии, что в это время репрессии были направлены против «старых» коммунистов, участников революции и гражданской войны³⁴. Анализ доверительного интервала для доли партийцев в генеральной совокупности по Алтаю показывает, что с доверительной вероятностью 95 % их доля должна составлять от 6,8 % до 13 %. Для сравнения в годы Большого террора в разных регионах (в крупных городах репрессированных коммунистов было существенно больше) доля осужденных партийцев составляла от 3 до 13 %³⁵. В Ойротии за весь сталинский период коммунисты составили 4,8 % среди репрессированных (вместе с членами ВЛКСМ)³⁶, в Томской области – 3,7 %³⁷.

При анализе любой репрессивной операции, проводившейся в СССР, историки обязательно обращаются и к их причинам. При анализе репрессий на Алтае в период до Большого террора была выдвинута гипотеза о том, что не только личные (биографические) данные влияли на уровень репрессий, их размах зависел также от региональных политических и социально-экономических показателей, следовательно, экономическое развитие районов Алтая и Ойротской АО и их социальная структура в определенной степени влияли на репрессивную политику, проводимую в них. Для проверки данной гипотезы использовался комплекс статистических методов: регрессионный и кластерный анализ, а также построение и анализ ГИС.

В историографии политических репрессий известны единичные примеры применения подобного подхода. В исследовании С.Л. Разинкова затронуты проблемы локализации информации базы данных по трудармейцам на географической карте, что позволяет осуществить пространственный анализ сложных историко-демографических процессов³⁸. А.А. Макаров в своей работе приводит оценку различия уровня репрессий в разных районах Красноярского края. Он выделяет три группы районов по интенсивности репрессий 1934–1938 гг. В первой группе процент арестованных в каждом районе составил от 1,09 % до 4,19 % от общего числа репрессированных жителей края, во второй – от 0,73 % до 0,91 %, в третьей – от 0,18 % до 0,55 %. Особую зону составлял Норильлаг, в котором в указанный период проходили повторные осуждения заключенных. Автор отмечает, что уровень репрессий в первой группе районов на севере края определялся наличием в них политической ссылки, депортированных и мест расселения представителей национальных диаспор. Интенсивность репрессий во второй группе районов определялась близостью к крупным городам или наличием в районе железнодорожной станции. При этом выдвинутый автором тезис о том, что интенсивность террора определялась экономическим развитием

³² Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае... С. 119.

³³ Там же. С. 162.

³⁴ См., прим.: Юдин К.А. Институты комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и репрессии «первой волны» в Верхневолжском регионе в январе-июле 1937 г. // Наука и школа. 2012. №6. С. 175–178. Автор отмечает, что политические репрессии 1937–1938 гг. массово обрушились на советскую номенклатуру (Указ. соч. С. 175). В частности, такой вывод на материалах по жертвам политических репрессий в Смоленской области опровергает Е.В. Козин – там за весь советский период было репрессировано 3 % коммунистов. См. Козин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий... С. 45.

³⁵ Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных... С. 256.

³⁶ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. Т. III. С. 244.

³⁷ Уйманов В.Н. Репрессии... как это было. С. 50.

³⁸ Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев... С. 9–11, 16–18.

района, не раскрывается³⁹. В.Н. Разгон пишет, что, несмотря на успехи индустриализации, было много срывов производства, аварий на транспорте, в сельском хозяйстве наблюдался кризис, вызванный коллективизацией. Разворачивая террор, власти хотели «списать» экономические трудности на вредительскую деятельность «антисоветских элементов»⁴⁰.

Первым этапом анализа стало построение регрессионных моделей только для районов Алтая (без Ойротии), в которых зависимым признаком являлась доля репрессированных по районам края. Целью анализа являлось определение набора признаков, в наибольшей степени влиявших на различия в порайонной интенсивности репрессий. Регрессионные модели показали, что в наибольшей степени на уровень репрессий из учтенных признаков влиял уровень расходов бюджета – косвенный показатель социального развития и благосостояния населения. Его изменение объясняет 34 % дисперсию зависимого признака. Товарооборот и доля колхозной площади объясняют в совокупности 23 % в вариации доли репрессированных. Коэффициент регрессии при признаке «колхозная посевная площадь» в двух различных моделях указывает на тенденцию к росту интенсивности репрессий с ростом обеспеченности колхозов землей (при увеличении посевной площади колхозов на один гектар на человека число репрессированных растет в среднем в первой модели на четыре человека на 10 000 и во второй модели – на пять человек на 10 000 при фиксированном значении других учтенных факторов).

Включение в анализ данных по районам Ойротии выявило тенденцию к увеличению интенсивности репрессий при переходе к районам с более высоким значением показателя удельных расходов бюджета: при увеличении расходов бюджета на душу населения на 1 руб./чел., количество репрессированных на 10 тыс. чел. увеличивалось в среднем на 0,7 (дисперсия – 79 %). Наибольшие расходы бюджета на население приходятся на Улаганский и Ойрот-Турский аймаки (150,4 руб./чел. и 129 руб./чел. соответственно). В этих же районах было репрессировано наибольшее количество человек в рассматриваемый период (120,3 чел./10 000 чел. и 62,2 чел./10 000 чел. соответственно).

Анализ различных вариантов регрессионных моделей позволил подтвердить нашу гипотезу о влиянии социально-экономических показателей на уровень репрессий. Было установлено, что товарооборот и расходы на душу населения по сравнению с другими экономическими показателями в наибольшей степени влияли на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии: те районы, в которых эти показатели были высокими, отличались высокой интенсивностью репрессий. Такие районы можно условно разделить на две группы: районы, имевшие города в качестве районного центра и районы с «национальным» населением. Была установлена также связь уровня коллективизации – доли коллективизированных хозяйств (и косвенного индикатора состоятельности колхозов – количества колхозной посевной площади на одного сельского жителя) с уровнем репрессий в районах: там, где увеличивалась доля коллективизированных хозяйств, повышался и уровень репрессий. Анализ показал, что провозглашаемый тезис большевиков об оправдании неудач экономического развития действиями «врагов» на практике почти не выполнялся, так как отстающие в экономическом отношении районы характеризовались относительно невысоким уровнем репрессий, однако эта теория требует доказательства на материалах других регионов. Согласно регрессионным моделям, экономические показатели в различных комбинациях объясняют до половины изменений показателя «число репрессированных», однако очевидно, что основную роль играли политические установки центральной и местной власти на проведение репрессий среди отдельных категорий граждан.

³⁹ Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае... С. 46–47.

⁴⁰ Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937–1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 250.

Одна из целей проведения кластерного анализа в данном исследовании – проверка гипотезы о том, что интенсивность репрессий в смежных районах, близких в территориальном аспекте, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах (исходя из предполагаемой близости социально-экономических показателей в смежных районах). Кластеризация проводилась по трем наборам признаков: число репрессированных и расстрелянных, отдельно по экономическим и сельскохозяйственным показателям. Приведем пример развернутой второй классификации:

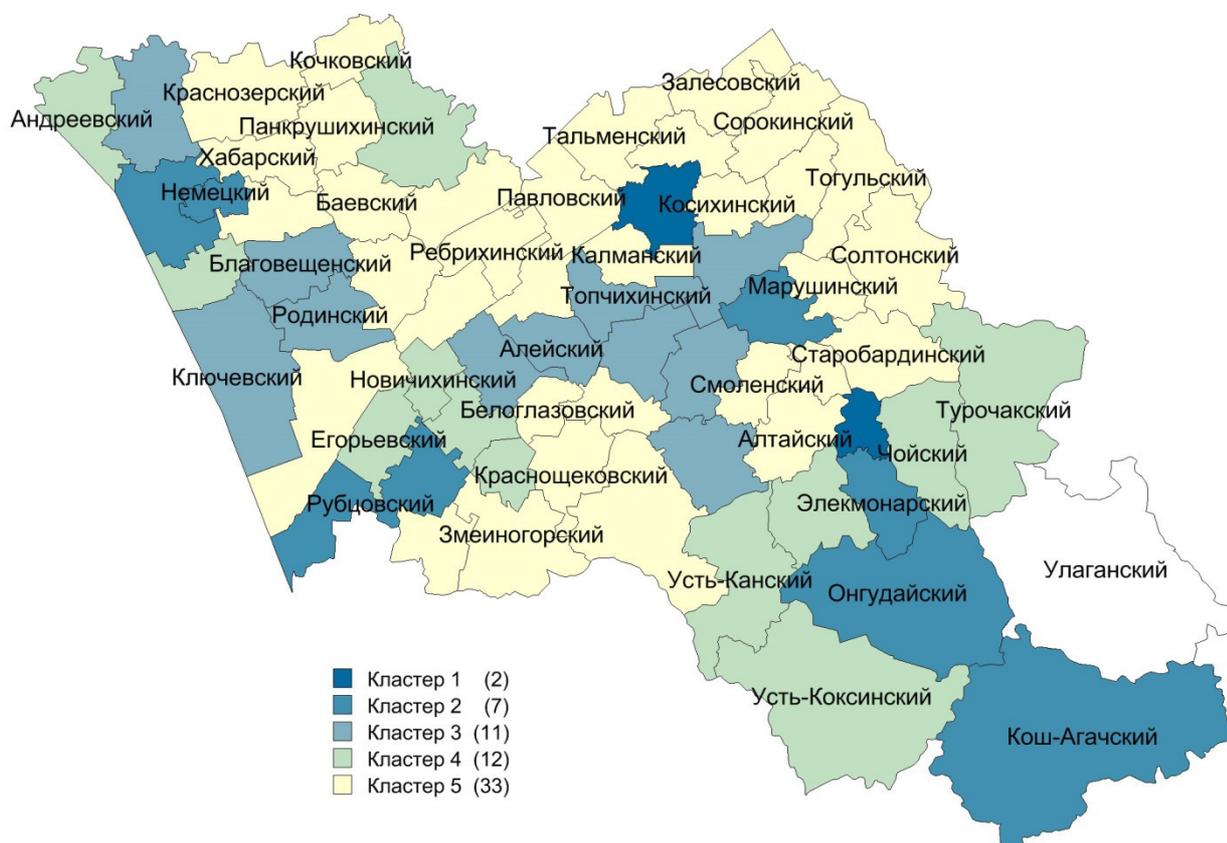

Рис. 1. Кластерный анализ по показателям: товарооборот в пересчете на душу населения и расходы бюджета в пересчете на душу населения

Наиболее целостным в территориальном отношении является кластер 5, а также группы районов из кластера 2: в центре Алтая и на западе (Ключевский, Благовещенский и Родинский районы). Кластер 1 (район около Барнаула и Ойрот-Турский аймак) наиболее нетипичен: в нем товарооборот, значительно выше расходов на душу населения. Объединение этих районов в рамках одного кластера неудивительно, так как в них находились два центральных города будущего Алтайского края: его административный центр г. Барнаул и г. Ойрот-Тура как административный центр автономной области. И товарооборот, и расходы бюджета на душу населения в Ойрот-Туре были выше, чем в Барнауле: 805,3 руб./чел. и 129 руб./чел. в первом городе и 576,6 руб./чел. и 71,39 руб./чел. во втором соответственно. Расходы бюджета выше барнаульских были в Славгородском районе (76,4 руб./чел.), а среди аймаков Ойротии наибольший показатель у Улаганского аймака (150,4 руб./чел.).

Кластер 1 схож с кластером 3 по распределению долей рассматриваемых показателей. Число репрессированных и товарооборот на душу населения здесь относительно высоки. Для центральных районов кластера 3 (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий, Солонешенский) на такие показатели могло влиять наличие железнодорожной линии Томской ж.д., проходящей через Калманку, Топчиху и Алейск до Рубцовска. Солонешенский

район был развит в сельскохозяйственном отношении. Из всех районов Алтая он был лидером по обеспеченности лошадьми (30/100 га колхозной площади), КРС (92/100 га колхозной площади), однако характер развития был экстенсивным: в колхозах района не было ни одного трактора, комбайна или автомашины.

В кластерах 2 и 4 расходы бюджета были выше товарооборота, при этом районы второго кластера были более зажиточными. Здесь в одном территориальном кластере объединились районы с центрами в городах и «национальные» районы с наиболее высокой интенсивностью репрессий. Это позволяет сделать вывод о влиянии на уровень репрессий в комплексе этнического и экономического факторов.

Рассмотренные нами варианты кластеризации районов Алтая и Ойротии по разным признакам позволяют выделить типологические группы районов на основании определенных критериев, в которых на уровень репрессий в определенной степени влияли разные социально-экономические показатели:

1. Районы центра Алтая (Алейский, Топчихинский, Калманский, Троицкий и т. д.): высокий товарооборот на душу населения, близость Томской ж.д., механизация сельского хозяйства;

2. Районы предгорной полосы Алтая (Чарышский, Солонешенский, Алтайский, Старобардинский): в основном высокий уровень коллективизации, экстенсивный характер развития сельскохозяйственного производства, умеренный уровень экономического развития;

3. Районы запада Алтая (Ключевский, Волчихинский, Егорьевский, Рубцовский и т. д.): высокий уровень коллективизации, экстенсивный характер развития сельскохозяйственного производства, относительно высокий уровень товарооборота на душу населения;

4. Районы с центром в городах (Барнаульский, Бийский, Славгородский, Каменский, Рубцовский, Ойрот-Турский): влияние комплекса социально-экономических факторов, низкая роль сельского хозяйства;

5. «Национальные» районы (Немецкий, Онгудайский, Улаганский, Кош-Агачский): влияние комплекса этнических (политических) и социально-экономических причин.

Подводя итог, отметим, что применение статистических методов позволяет в полной мере рассмотреть социальные и экономические аспекты политических репрессий. Методика анализа, приведенная в данной работе, способствует проведению сравнительных исследований указанных аспектов на материалах различных регионов.

Литература

Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. 320 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 207 с.

Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование: монография. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 255 с.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).

Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г. 235 с.

Звеняцкая Н.В. Социальный портрет «врага народа» в 1920–1930-е гг. (по материалам Нижнетагильского округа) // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил, 12–13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 98–104.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. 726 с.

Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917–1980-е гг. Нижний Тагил, 1997. С. 15–22.

Книга памяти жертв политических репрессий Кемеровской области. Кемерово: Полиграфкомбинат, 1996. Т. 2. 556 с.

Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2003. Т. III. 245 с.

Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 41–52.

Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти»: дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 354 с.

Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 208 с.

Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Монография. М.: Кучково поле, 2006. 479 с.

Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., РОССПЭН, 2010. 439 с.

Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагерь НКВД на территории Свердловской области в 1941–1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.

Разгон В.Н. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937–1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 2. С. 249–260.

Раков А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930–1934 гг.). М., МАКС Пресс, 2012. 193 с.

Рожнева Ж.А. Политические репрессии в Александровском районе // Земля александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 340–353.

Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск, изд-во Томского университета, 1995. 334 с.

Уйманов В.Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 105–110.

Юдин К.А. Институты комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и репрессии «первой волны» в Верхневолжском регионе в январе-июле 1937 г. // Наука и школа. 2012. № 6. С. 175–178.

Плищ М. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. P. 1515–1534.

References

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchiye itogi [1937 All-Union Population Census: General Results]. ROSSPEN, Moscow, 2007. 320 s.

Polyakov Yu.A. (ed.) Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnyye itogi [1939 All-Union Population Census: Main Results]. Nauka, Moscow, 1992. 207 s.

Zhdanova G.D. Politicheskiye repressii na Altaye 1919–1938 gg.: istoriko-statisticheskoye issledovaniye: monografiya [Political Repressions in Altai, 1919–1938: Historical and Statistical Research: Monograph]. AZBUKA, Barnaul, 2015. 255 s.

Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR [Victims of political terror in the USSR], electronic resource (CD-ROM), 2007.

Zapadno-Sibirskiy kray. Goroda i rayony. Osnovnyye pokazateli [West Siberian region. Cities and districts. Main factors], Novosibirsk, 1936, 235 s.

Zvenyatskaya N.V. Social portrait of the "enemy of the people" in the 1920–1930s, in *Tagil'skiy kray v panorame vekov. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii g. Nizhniy Tagil* [Tagil Territory in the panorama of the centuries. Materials of the scientific-practical conference in Nizhny Tagil], Yekaterinburg, 1999. S. 98–104.

Vert N. and Mironenko S.V. (ed.), *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobraniye dokumentov v 7-mi tomakh*, vol. 1. Massovyie repressii v SSSR [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: Collection of documents in 7 volumes, vol. 1. Mass repressions in the USSR], Moscow, 2004.

Kirillov V.M. Terror victims in the Nizhny Tagil region of the Urals (the problem of forming a data bank), in *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika 1917–1980-ye gg.* [History of repression in the Urals: ideology, politics, practice 1917–1980s], Nizhny Tagil, 1997. S. 15–22.

"Book of memory" of political terror victims in Kemerovo region [Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Kemerovskoy oblasti], Poligrafkombinat, Kemerovo, 1996. 556 s.

"Book of memory" of political terror victims in Altai Republic, vol 3 [Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy Respubliki Altay, tom 3]. Gorno-Atlaisk, 2003. 245 s.

Kodin E.V. Electronic database of victims of political repression of the Smolensk region as a historical source, in *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyskaya provintsiya* [History of Stalinism: repressed Russian province], ROSSPEN, Smolensk, 2011. S. 41–52.

Lyagushkina L.A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): sravnitel'nyy analiz baz dannykh po regional'nym "knigam pamyati" [Social portrait of terror victims during the Great Terror (1937–1938): a comparative analysis of databases on regional "books of memory"], PhD dissertation, Moscow State University, Moscow, 2016. 354 s.

Makarov A.A. Repressii v Krasnoyarskom krae (1934–1938) [Repression in the Krasnoyarsk Region (1934–1938)], Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, Abakan, 2008. 208 s.

Mozhokhin O.B. Pravo na repressii. Vnesudebnyye polnomochiya organov gosudarstvennoy bezopasnosti (1918–1953). Monografiya [The right to repression. Extrajudicial powers of state security agencies (1918–1953). Monograph], Kuchkovo pole, Moscow, 2006. 479 s.

Papkov S.A. Obyknoennyy terror: politika stalinizma v Sibiri [Ordinary Terror: Stalinism in Siberia], ROSSPEN, Moscow, 2010, 439 s.

Razinkov S.L. Sotsial'nyy portret sovetskikh nemtsev-trudarmeytsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoy oblasti v 1941–1946 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoy bazy dannykh [Social portrait of Soviet German Labor Soldiers mobilized in NKVD camps in the Sverdlovsk Region in 1941–1946: experience in creating and using an electronic database], Extended abstract of PhD dissertation, Nizhny Tagil, 2001, Russia. 24 s.

Razgon V.N. Social and economic factors of the "Great Terror" 1937–1938 (according to the materials of the investigations of the UNKVD in the Altai Territory on the "former kulaks"), in *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Economic history of Siberia of the XX century: materials of the All-Russian Scientific Conference], Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, Barnaul, 2006. S. 249–260.

Rakov A.A. Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty "raskulachvaniya" krest'yan Yuzhnogo Urala (1930–1934 gg.) [Socio-economic aspects of the "dispossession" of the peasants of the Southern Urals (1930–1934)], MAKS Press, Moscow, 2012. 193 s.

Rozhneva Zh.A. Political repressions in the Aleksandrovsky district, in *Zemlya aleksandrovskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 75-letiyu obrazovaniya Aleksandrovskogo rayona* [Alexander's Land: Collection of popular science essays on the 75th anniversary of the formation of the Aleksandrovsky district], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, 1995. S. 340–353

Uymanov V.N. The national composition of the repressed in Western Siberia in 1931–1941, in *Bulletin of Tomsk State University. № 357. 2012. S. 105–110*

Uymanov V.N. Repressii. Kak eto bylo [Repression. How it was], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, 1995. 334 s.

Yudin K.A. Institutions of the Party Control Commission (CPC) under the Central Committee of the CPSU (b) and the repression of the "first wave" in the Upper Volga region in January-July 1937, in Science and school. № 6. 2012. S. 175–178.

Ilič M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis, in Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. P. 1515–1534.

Статья поступила в редакцию 30.11.2018 г.